

ТЭФФИ

Ведьма

Надежда Тэффи Неживой зверь

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172792

Ведьма: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-20104-4

Надежда Тэффи

Неживой зверь

* * *

На елке весело было. Наехало много гостей и больших, и маленьких. Был даже один мальчик, про которого нянька шепнула Кате, что его сегодня высекли. Это было так интересно, что Катя почти весь вечер не отходила от него; все ждала, что он что-нибудь особенное скажет, и смотрела на него с уважением и страхом. Но высеченный мальчик вел себя как самый обыкновенный, выпрашивал пряники, трубил в трубу и хлопал хлопушками, так что Кате, как ни горько, пришлось разочароваться и отойти от него.

Вечер уже подходил к концу, и самых маленьких, громко ревущих ребят стали снаряжать к отъезду, когда Катя получила свой главный подарок – большого шерстяного барана. Он был весь мягкий, с длинной кроткой мордой и человеческими глазами, пах кислой шерсткой и, если оттянуть ему голову вниз, мычал ласково и настойчиво: мэ-э!

Баран поразил Катю и видом, и запахом, и голосом, так что она даже, для очистки совести, спросила у матери:

– Он ведь не живой?

Мать отвернула свое птичье личико и ничего не ответила;

она уже давно ничего Кате не отвечала, ей все было некогда. Катя вздохнула и пошла в столовую поить барана молоком. Сунула ему морду прямо в молочник, так что он намок до самых глаз. Подошла чужая барышня, покачала головой:

– Ай-ай, что ты делаешь? Разве можно неживого зверя живым молоком поить! Он от этого пропадет. Ему нужно пустышного молока давать. Вот так.

Она зачерпнула в воздухе пустой чашкой, поднесла чашку к барану и почмокала губами.

– Поняла?

– Поняла. А почему кошке настоящее?

– Так уж надо. Для каждого зверя свой обычай. Для живого – живое, для неживого – пустышное.

Зажил шерстяной баран в детской, в углу, за нянькиным сундуком. Катя его любила, и от любви этой делался он с каждым днем грязнее и хохлатее, и все тише говорил ласковое «мэ-э». И оттого, что он стал грязный, мама не позволяла сажать его с собой за обедом.

За обедом вообще стало невесело. Папа молчал, мама молчала. Никто даже не оборачивался, когда Катя после пирожного делала реверанс и говорила тоненьким голосом умной девочки:

– Мерси, папа! Мерси, мама!

Как-то раз сели обедать совсем без мамы. Та вернулась домой уже после супа и громко кричала еще из передней, что на катке было очень много народа. А когда она подошла

к столу, папа взглянул на нее и вдруг треснул графин об пол.

– Что с вами? – крикнула мама.

– А то, что у вас кофточка на спине расстегнута. – Он закричал еще что-то, но нянька схватила Катю со стула и потащила в детскую.

После этого много дней не видела Катя ни папы, ни мамы, и вся жизнь пошла какая-то ненастоящая. Приносили из кухни прислугин обед, приходила кухарка, шепталась с няней:

– А он ей... а она ему... Да ты, говорит... В-вон! А она ему... а он ей...

Шептали, шуршали.

Стали приходиться из кухни какие-то бабы с лисьими мордами, моргали на Катю, спрашивали у няньки, шептали, шуршали:

– А он ей... В-вон! А она ему...

Нянька часто уходила со двора. Тогда лисьи бабы забирались в детскую, шарили по углам и грозили Кате корявым пальцем.

А без баб было еще хуже. Страшно.

В большие комнаты ходить было нельзя: пусто, гулко. Портьеры на дверях отдувались, часы на камине тикали строго. И везде было «это»:

– А он ей... А она ему...

В детской перед обедом углы делались темнее, точно шевелились. А в углу трещала огневица – печкина дочка, шел-

кала заслонкой, скалила красные зубы и жрала дрова.. Подходить к ней нельзя было: она злющая, укусила раз Катю за палец. Больше не подманит. Все было беспокойное, не такое, как прежде. Жилось тихо только за сундуком, где поселился шерстяной баран, неживой зверь. Питался он карандашами, старой ленточкой, нянькиными очками, – что бог пошлет, смотрел на Катю кротко и ласково, не перечил ей ни в чем и все понимал.

Раз как-то расшалилась она, и он туда же, – хоть морду отвернул, а видно, что смеется. А когда Катя завязала ему горло тряпкой, он хворал так жалостно, что она сама потихоньку поплакала.

Ночью бывало очень худо. По всему дому поднималась возня, пискотня. Катя просыпалась, звала няньку.

– Кыш! Спи! Крысы бегают, вот они тебе уже нос откусят!

Катя натягивала одеяло на голову, думала про шерстяного барана, и, когда чувствовала его, родного, неживого, близко, засыпала спокойно.

А раз утром смотрели они с бараном в окошко. Вдруг видят: бежит через двор мелкой трусцой бурый кто-то, облезлый, вроде кота, только хвост длинный.

– Няня, няня! Смотри, какой кот поганый!

Нянька подошла, вытянула шею.

– Крыса это, а не кот! Крыса. Ишь, здоровенная! Этакая любого кота загрызет! Крыса!

Она так противно выговаривала это слово, растягивая рот,

и, как старая кошка, щерила зубы, что у Кати от отвращения и страха заныло под ложечкой.

А крыса, переваливаясь брюхом, деловито и хозяйственно притрусилась к соседнему амбару и, присев, подлезла под ставень подвала.

Пришла кухарка, рассказала, что крыс столько развелось, что скоро голову отъедят.

– В кладовке у баринова чемодана все углы отгрызли. Нехватные такие! Я вхожу, а она сидит и не крянется!

Вечером пришли лисьи бабы, принесли бутылку и вонючую рыбу. Закусили, угостили няньку и потом все чего-то смеялись.

– А ты все с бараном? – сказала Кате баба потолще. – Пора его на живодерню. Вон нога болтается, и шерсть облезла. Капут ему скоро, твоему барану.

– Ну, брось дразнить, – остановила нянька. – Чего к сироте приметываешься.

– Я не дразню, я дело говорю. Мочало из него вылезет, и капут. Живое тело ест и пьет, потому и живет, а тряпку сколько ни сусли, все равно развалится. И вовсе она не сирота, а маменька ейная, может быть, мимо дома едет да в кулак смеется. Хю-хю-хю!

Бабы от смеха совсем распарились, а нянька, обмакнув в свою рюмку кусочек сахара, дала Кате пососать. У Кати от нянькина сахару в горле зацарапало, в ушах зазвенело, и она дернула барана за голову.

– Он не простой: он, слышишь, мычит!

– Хю-хю! Эх ты, глупая! – захюкала опять толстая баба. – Дверь дерни, и та заскрипит. Кабы настоящий был, сам бы пищал.

Бабы выпили еще и стали говорить шепотом старые слова.

– А он ей... В-вон... А она ему...

А Катя ушла с бараном за сундук и стала мучиться.

Не живуч баран. Погибнет. Мочала вылезет, и капут. Хотя бы как-нибудь немножко бы мог есть!

Она достала с подоконника сухарь, сунула барану под самую морду, а сама отвернулась, чтобы не смущать. Может, он и откусит немножко... Пождала, обернулась, – нет, сухарь не тронутый.

– А вот я сама надкушу, а то ему, может быть, начинать совестно.

Откусила кончик, опять к барану подсунула, отвернулась, пождала. И опять баран не притронулся к сухарю.

– Что? Не можешь? Не живой ты, не можешь!

А шерстяной баран, неживой зверь, отвечал всей своей мордой, кроткой и печальной:

– Не могу я! Не живой я зверь, не могу!

– Ну, позови меня сам! Скажи: мэ-э! Ну, мэ-э! Не можешь! Не можешь!

И от жалости и любви к бедному неживому так сладко мучилась и тосковала душа. Уснула Катя на мокрой от слез подушке и сразу пошла гулять по зеленой дорожке, и баран

бежал рядом, щипал травку, кричал сам, сам кричал «мэ-э» и смеялся. Ух, какой был здоровый, всех переживет!

Утро было скучное, темное, беспокойное, и неожиданно объявился папа. Пришел весь серый, сердитый, борода мохнатая, смотрел исподлобья, по-козлиному. Ткнул Кате руку для целованья и велел няньке все прибрать, потому что придет учительница. Ушел.

На другой день звякнуло на парадной.

Нянька выбежала, вернулась, засутилась.

– Пришла твоя учительница, морда как у собачищи, будет тебе ужо!

Учительница застучала каблуками, протянула Кате руку. Она, действительно, похожа была на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила.

Осмотрела детскую и сказала няньке:

– Вы – нянька? Так, пожалуйста, все эти игрушки заберите и вон, куда-нибудь подальше, чтоб ребенок их не видел. Всех этих ослов, баранов – вон! К игрушкам надо приступить последовательно и рационально, иначе – болезненность фантазии и проистекающий отсюда вред. Катя, подойдите ко мне!

Она вынула из кармана мячик на резине и, щелкнув зубами, стала вертеть мячик и припевать: прыг, скок, туда, сюда, сверху, снизу, сбоку, прямо. Повторяйте за мной: прыг,

скок... Ах, какой неразвитой ребенок!

Катя молчала и жалко улыбалась, чтобы не заплакать. Нянька уносила игрушки, и баран мэкнул в дверях.

– Обратите внимание на поверхность этого мяча. Что вы видите? Вы видите, что она двуцветна. Одна сторона голубая, другая белая. Укажите мне голубую. Старайтесь сосредоточиться.

Она ушла, протянув снова Кате руку.

– Завтра будем плести корзиночки!

Катя дрожала весь вечер и ничего не могла есть. Все думала про барана, но спросить про него боялась.

– Худо неживому! Ничего не может. Сказать не может, позвать не может. А она сказала: в-вон!

От этого ужасного слова вся душа ныла и холодела. Вечером пришли бабы, угощались, шептались:

– А он ее, а она его... – И снова:

– В-вон! В-вон!

Проснулась Катя на рассвете от ужасного, небывалого страха и тоски. Точно позвал ее кто-то. Села, прислушалась.

– Мэ-э! Мэ-э!

Так жалобно, настойчиво баран зовет! Неживой зверь кричит.

Она спрыгнула с постели вся холодная, кулаки крепко к груди прижала, слушает. Вот опять:

– Мэ-э! Мэ-э!

Откуда-то из коридора. Он, значит, там... Открыла дверь.

– Мэ-э!

Из кладовки.

Толкнулась туда. Не заперто. Рассвет мутный, тусклый, но видно уже все. Какие-то ящики, узлы.

– Мэ-э! Мэ-э!

У самого окна пятна темные копошились, и баран тут. Вот прыгнуло темное, ухватило его за голову, тянет.

– Мэ-э! Мэ-э!

А вот еще две, рвут бока, трещит шкурка.

– Крысы! Крысы! – вспомнила Катя нянькины ощеренные зубы. Задрожала вся, крепче кулаки прижала. А он больше не кричал. Его больше уже не было. Бесшумно таскала жирная крыса серые клочья, мягкие куски, трепала мочалку.

Катя забилась в постель, закрылась с головой, молчала и не плакала. Боялась, что нянька проснется, ощерится по-кошачьи и насмеется с лисьими бабами над шерстяной смертью неживого зверя.

Затихла вся, сжалась в комочек. Тихо будет жить, тихо, чтоб никто ничего не узнал.